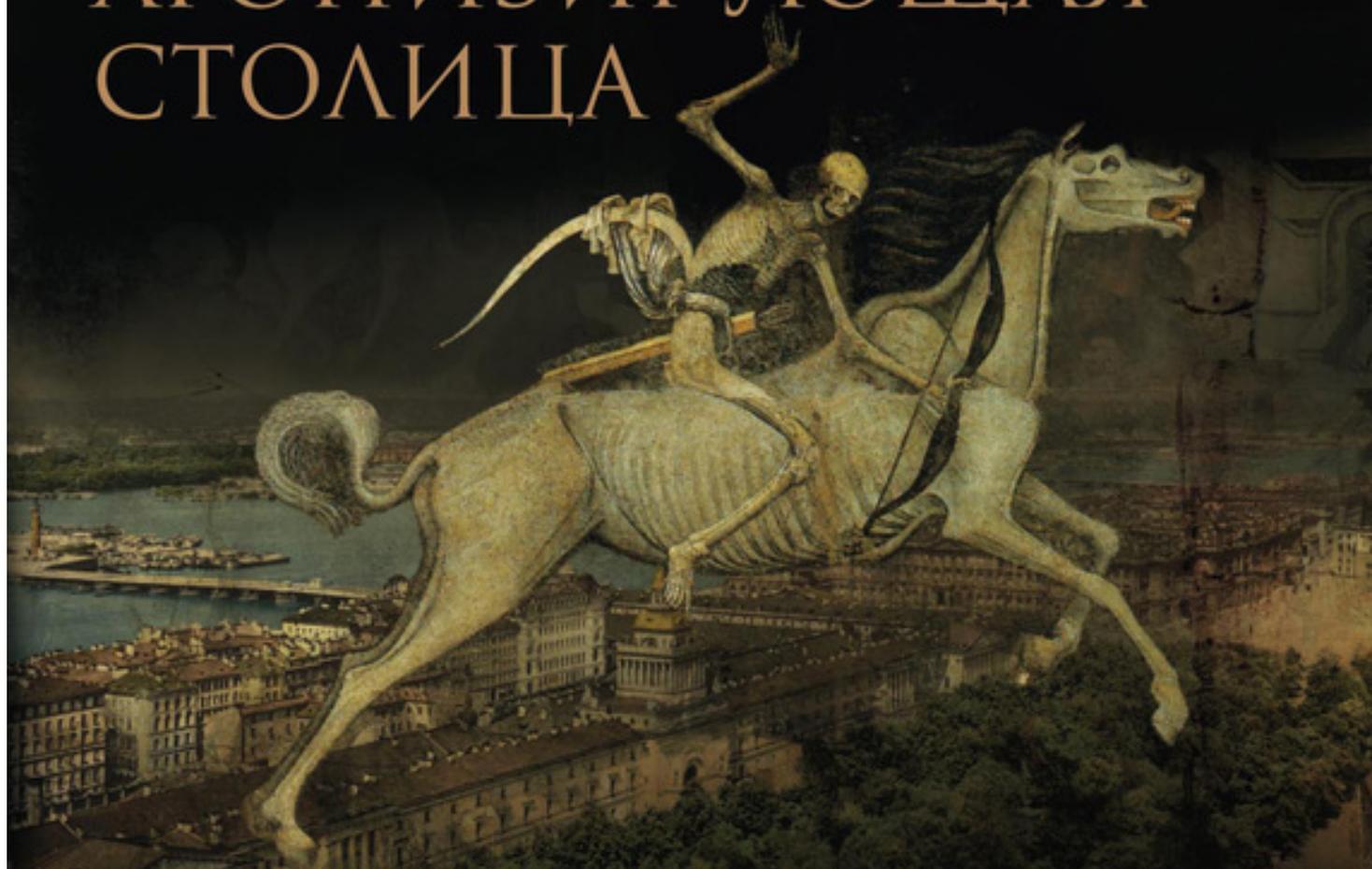

АГОНИЗИРУЮЩАЯ СТОЛИЦА

ДМИТРИЙ ШЕРИХ

КАК ПЕТЕРБУРГ

ПРОТИВОСТОЯЛ СЕМИ

СТРАШНЕЙШИМ ЭПИДЕМИЯМ

ХОЛЕРЫ

Дмитрий Шерих

**Агонизирующая столица. Как
Петербург противостоял семи
страшнейшим эпидемиям холеры**

«Центрполиграф»

2014

Шерих Д. Ю.

Агонизирующая столица. Как Петербург противостоял семи страшнейшим эпидемиям холеры / Д. Ю. Шерих — «Центрполиграф», 2014

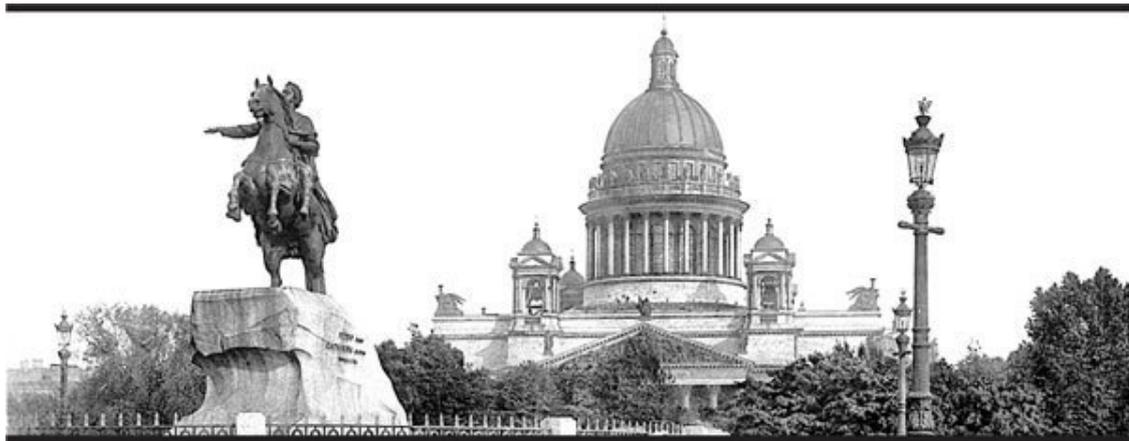
Холера и сегодня – смертоносная болезнь, но в российских столицах, Петербурге и Москве, эта «азиатская гостья» не появлялась уже очень давно. А когда-то ее приход полностью менял ритм жизни горожан, их повседневный быт: они обряжались в набрюшники, старались не выходить на улицу натошак, обтирались оливковым маслом и принимали всякие другие меры, дабы не попасть в быстро растущие скорбные списки. Везло не всем: семь петербургских холерных эпидемий унесли жизнь семидесяти тысяч горожан; в числе жертв недуга оказались великие Карл Иванович Росси и Петр Ильич Чайковский. Обо всем этом и идет речь в новой книге известного журналиста и историка, лауреата Анциферовской премии Дмитрия Шериха. Перед читателем пройдет вереница имен тех, кто погиб, кто выжил, и тех, кто с эпидемиями сражался; в книге представлены самые значимые холерные адреса Петербурга, приведены многочисленные свидетельства мемуаристов.

© Шерих Д. Ю., 2014

© Центрполиграф, 2014

Содержание

От автора	6
1777–1830 годы. Пролог	7
1831 год	13
Начало	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Дмитрий Шерих
Агонизирующая столица. Как
Петербург противостоял семи
страшнейшим эпидемиям холеры

© Шерих Д., 2014

© ООО «Рт-СПб», 2014

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

* * *

От автора

Болезнь мы все не любим; а уж когда в город приходит серьезная эпидемия, стараемся принять все возможные меры, чтобы избежать недуга. Гриппа, например. Но счастье современного петербуржца: в отличие от горожан былых времен, он даже и не знаком с такими страшными напастями, как эпидемия тифа, чумы или холеры.

Поистине страшными. В летописях петербургской старины эти эпидемии оставили неизгладимый след. Та же холера: по самым приблизительным прикидкам, жертв ее за годы петербургской истории насчитывается не менее семидесяти тысяч. По сути, вся численность населения современного Петергофа!

И сколько самых звучных, знаменитых имен было отобрано у Петербурга, у России холерными эпидемиями! Про страшную кончину Петра Ильича Чайковского помнит, наверное, всякий образованный горожанин, но многие ли знают, что в перечне жертв петербургской холеры – живописец и создатель «Явления Христа народу» Александр Иванов, балерина Авдотья Истомина, художник-декоратор Пьетро Гонзаго, архитекторы Карл Росси и Адам Менелас, пианистка Мария Шимановская, славянофил Иван Киреевский, герои Отечественной войны 1812 года генералы Александр Ланжерон и Василий Костенецкий, мореплаватели вице-адмирал Василий Головнин и адмирал Гаврила Сарычев?

Семь холерных эпидемий пережил Петербург, 32 холерных года – и каждый приход «азиатской гостыи» накладывал ощутимый отпечаток на повседневную жизнь города. Александр Васильевич Никитенко, известный деятель российской культуры, во время первой холеры, в 1831 году, горько отмечал: «Город в тоске. Почти все сообщения прерваны. Люди выходят из домов только по крайней необходимости или по должности».

И он же немногим позже записывал: «Из нескольких сот тысяч живущих теперь в Петербурге всякий стоит на краю гроба – сотни летят стремглав в бездну, которая зияет, так сказать, под ногами каждого». Не очень-то и преувеличивал Александр Васильевич.

А на краю этой бездны – волнения и тревоги горожан, знаменитый бунт на Сенной площади, заставивший императора Николая I обратиться с речью к народу, активная деятельность столичных врачей, нередко рисковавших жизнью, чтобы спасти своих занемогших пациентов, строительство новых лечебниц, создание специальных холерных кладбищ, да и много еще других событий.

Холера – это целый пласт петербургской истории, очень значительный, и даже странно, что до сих пор ей еще не посвящали книг. Публикации о петербургских холерах, конечно, случались – но по большей части фрагментарные. О бунте 1831 года, например, о санитарных и врачебных мерах, предпринимавшихся в северной столице.

Вот, наконец, книга завершена. Не сугубо медицинская, хотя и врачебным аспектам борьбы с холерой автор тоже постарался уделить должное внимание. Главное здесь – это повседневная жизнь города, атакованного холерой. Быт горожан, захваченных вначале врасплох новой страшной угрозой, а затем уже – по истечении месяцев и лет – к ней вполне привыкших, и даже оборачивающих эту угрозу в шутку, как газета «Петербургский листок» в 1909 году, напечатавшая под рубрикой «Обыкновенная история» короткий скетч:

«– Сестра моя заболела тифом, а попав в больницу, заразилась холерой.

– А моя сестра заболела холерой, а попав в больницу, заразилась тифом».

Летопись петербургской холеры – это имена (тех, кто погиб, кто выжил, и тех, кто с эпидемиями сражался), это адреса (в том числе холерных лазаретов и кладбищ), это многочисленные свидетельства мемуаристов, это истории горя и радости.

Человеческие истории, которые и сегодня, спустя десятилетия, не оставляют равнодушными.

1777–1830 годы. Пролог

Шевалье Мари Даниель Буррэ де Корберон, французский дипломат при дворе императрицы Екатерины II, многие свои мысли и наблюдения поверял бумаге. Практически ежедневно. Благодаря этому мы знаем, что среди событий, озаботивших его в феврале 1777 года, была неожиданная и весьма сильная болезнь лакея Гарри. Слег тот в среду, на другой день недуг усилился, а к воскресенью развилась сильная слабость – и некоторые служащие французской миссии начали уже ожидать худшего.

Можно предполагать – да простит читатель за натуралистическую подробность, в этой книге не последнюю, – что болезнь его сопровождалась многократным поносом, рвотой, сильным обезвоживанием и общим упадком сил.

К счастью, все обошлось: «На другое утро Гарри стало лучше и у нас родилась надежда спасти его от страшной болезни, потому что у него была холера (*cholera morbus*)». Видимо, и в самом деле спасли, поскольку других записей о болезни лакея в дневнике шевалье Корберона нет.

А для нас в этой записи особо примечательны слова, которые тогда были мало знакомы петербуржцам, но полвека спустя стали звучать для них похоронным маршем. *Cholera morbus*, она же (в дословном переводе) «болезнь холера»: кажется, это первое упоминание о ней в петербургских анналах. Сегодня и не скажешь, был ли лакей в самом деле болен этим грозным недугом, или подхватил лишь что-то похожее на холеру: сам шевалье медицинского образования не имел, а петербургские эскулапы вряд ли сталкивались на практике с этой болезнью. Однако название прозвучало, и считать диагноз французского дипломата совсем уж невероятным не стоит: холера к тому времени не одно столетие собирала обильную жатву в Индии и сопредельных странах, забираясь иногда и в Европу – известно, что еще в XVII столетии англичане фиксировали ее вспышки. Да и в Отечестве нашем эпизоды случались: зафиксировали холерные случаи в 1745 году в Казани, в 1766-м в Саратове. Отдельные случаи, не эпидемии.

Вот и в петербургском случае, кажется, обошлось единичным эпизодом. Больше полвека оставалось до того момента, как столице Российской империи пришлось столкнуться с этой болезнью. Во весь ее рост.

Но в 1777 году, да и после него, о масштабных холерных эпидемиях в Петербурге не думали вовсе. И даже когда в 1817 году по миру покати́лась первая холерная пандемия – страшная, охватившая не только страны азиатские, но проникшая в другие части света, унесшая сотни тысяч жизней, – о ней тогда писали по большей части в специализированных изданиях. Писали как о чем-то весьма экзотическом и отдаленном. В 1823 году, например, столичный «Военно-медицинский журнал» опубликовал «краткое наставление о способе пользования эпидемической болезни холеры с указанием ее припадков», извлеченное из трудов некоего Давида Карбинского, служившего врачом в Индии при британских войсках. В этом тексте среди прочего высказывалось убеждение, что холера – болезнь не прилипчивая, от больного к больному не передается.

Шевалье де Корберон, наверное, тоже с этим мнением согласился бы: не случилось же в его доме новых заболеваний! Согласились с ней и многие российские врачи, а потому когда в том же 1823 году холерой массово заболели служащие Астраханского порта – первый визит пандемии на территорию России! – особых мер предосторожности в обращении с больными не предпринималось.

Впрочем, и в первую пандемию нашлись те, кто верно оценил происходящее. Французский путешественник и ученый Александр Моро де Жонес, изыскания которого представил русской публике *Journal de Saint-Petersbourg*, суммировал свои наблюдения так: *cholera morbus* «пристает к людям всякого возраста и пола, всякого поколения и темперамента», «не зависит

от свойства температуры атмосферной», «не есть следствие сырости», «не происходит от зараженной атмосферы» и «не приносится ветрами» («сие доказывается различными доводами, и именно наблюдением, что она весьма нередко распространяется в направлении противном течению ветра»).

Француз также заметил, что «она, протекая по степям и хребтам гор, распространялась людьми, находившимися в армиях или в обществах пилигримов и пребывавшими на зачумленных военных или купеческих кораблях, также караванами и отдельными путешественниками».

Отсюда вывод: болезнь эта «есть заразительная и сообщается от одного человека другому, но по особенным, нам еще неизвестным законам».

Всерьез тревожить петербуржцев холера начала в 1830 году, когда всюду шел ее губительный марш по территории России. То была уже вторая пандемия: снова холера началась в Азии, снова начала оттуда перебираться в сопредельные страны. Южными губерниями России шествие не ограничилось: холера двинулась в центральные – Саратов, Тамбов, Пензу, Вологду, Москву. Везде создавались чрезвычайные комиссии, назначенные бороться с «азиатской гостьей»; в августе 1830 года император Николай I распорядился создать и центральную комиссию для пресечения холеры под управлением министра внутренних дел Арсения Андреевича Закревского. Карантинные меры, применявшиеся на местах, ожидаемого результата не принесли, да оно и понятно: в тогдашнем исполнении они были попросту неэффективны.

Случался, однако, эффект обратный: в июне 1830 года, например, в Севастополе при попытке выселить жителей в карантинный лагерь вспыхнул бунт. В ноябре того же 1830 года в Тамбове разгневанная толпа сняла все караулы на въезде в город, разгромила холерную больницу и подвергла личным оскорблениям местного губернатора Ивана Семеновича Миронова. Жесткость санитарных мер только подстегивала гнев и панические настроения людей, дотоле холеры не видевших и винивших во всем злонамеренных отравителей, врачей и местное начальство. «Нет холеры! Какая там холера! Морят да разоряют только!.. Прочь ее!.. Не надо нам холеры!..»

Вскоре, впрочем, Комитет министров счел карантин лишены смысла, «ибо оные, быв сами по себе весьма стеснительны, не могут способствовать к прекращению холеры, тем паче, что болезнь сия сообщается более посредством воздуха, нежели чрез прикосновение», – и это несколько сгладило остроту ситуации.

Власть, как видим, не только закручивала гайки, но и делала ставку на изучение новой напасти. При комиссии Закревского был образован особый Медицинский совет, первой задачей которого было составить рекомендации. К работе совета привлекли, в числе прочих, выдающихся терапевтов Иустина Евдокимовича Дядьковского и Матвея Яковлевича Мудрова.

Первым делом члены совета высказали мнение о латинском названии болезни: «Сие название Cholera morbus гораздо лучше уничтожить совсем; потому, что оно невольно заставляет предполагать существование какого-то противного состояния Cholera sanitatis».

Латынь из моды вышла ныне, поэтому проясним мысль: коли есть «Холера болезнь», то должна бы быть и «Холера здоровье» – а поскольку таковой нет, то и...

Впрочем, ход мыслей выдающихся терапевтов современники не оценили: словосочетание Cholera morbus продолжило свое восхождение к вершинам известности.

В своем «Трактате о повально-заразительной болезни холере» Медицинский совет собрал воедино все существовавшие тогда точки зрения на эту болезнь. Таковых оказалось ровным счетом семь:

«Мнение, полагающее причину сию в миазматическом качестве воздуха»;

«Мнение, принимающее за причину сию особенную холерную заразу, сообщаемую больными холерою здоровым людям»;

«Мнение, допускающее только местно-условную заразительность сей болезни, как причину, способствующую распространению холеры»;

«Мнение, признающее причину сию во вредоносной порче плодов, овощей и зернового хлеба, происходящей от острых рос и туманов»;

«Мнение сложное, полагающее причину сию в ощутительном порочном качестве воздуха и вместе в сказанной порче плодов и овощей»;

«Мнение, предполагающее за причину сию, с одной стороны, непосредственное переполнение, а с другой – перенос ветром от больных людей к здоровым людям особенного рода микроскопических животных»;

«Мнение, допускающее падение таких же микроскопических животных на людей из воздуха».

Острые росы и туманы, вредоносная порча зернового хлеба, порочное качество воздуха: эти пункты напоминают нам, на каком уровне находились тогда знания о холере. Нетрудно заметить также, что версии номер два, шесть и семь, несмотря на некоторые забавно звучащие формулировки, близки друг к другу. Сам Медицинский совет, как было твердо заявлено в «Трактате», считал бесспорным мнение номер два. С многозначительной, однако, и многословной оговоркой: «Зараза холерная, подобно как и все прочие заразы, есть ни что иное, как произведение самого больного организма. Истина сия так со всех сторон явна, что в настоящее время не подлежит уже ни малейшему сомнению. Но в чем состоит ее сущность? – Сего объяснить мы доселе не можем. Хотя некоторые, как мы уже видели, сущность заразы сей совершенно определительно принимают за собрание каких-то микроскопических животных; но считать такой ответ удовлетворительным, значило бы дать обязательство на безоговорочный прием и всякого другого также произвольного предположения. Поищем другого, более основательного, сообразного с настоящими нашими сведениями о натуре вещей и человека».

Искать пришлось еще долго: через все XIX столетие тянутся дискуссии о холере, в которых горячее участие принимали ученые большинства европейских стран, включая и Россию.

Только нащупывался тогда и путь лечения холеры, и на сей счет единого мнения у членов Медицинского совета не было: «Медицинский совет долгом считает объявить, что противу-воспалительный способ врачевания холеры (*Methodus antiphlogistica*), принятый большинством членов Совета при Центральной комиссии, безусловно одобряем быть не может. Способ сей, без сомнения, требует значительных ограничений».

И еще одна яркая иллюстрация к тому, какая же сумятица царил тогда в головах самых лучших врачей. Справедливо отметив тот факт, что многие люди, кажущиеся не зараженными, на самом деле были заражены, только перенесли недуг легко (такую легкую форму холеры стали именовать «холериной») – члены Медицинского совета так и не сделали из него должных выводов. Не поняли, что именно такие «почти здоровые» зачастую и переносят холеру с места на место, успешно минуя карантинные посты и ускользая от присмотра врачей. А вот версию, согласно которой холера распространяется через фекалии, авторы трактата отметили: «Доселе мы не видим еще ни одного наблюдения, могущего подтвердить сие предположение».

Заблуждение, стойкое жизни многим россиянам. Петербуржцам в том числе.

Осознавая, впрочем, неполноту своих знаний, Медицинский совет инициировал конкурс врачебных сочинений о холере, пообещав за лучшее премию в размере 25 тысяч рублей государственными ассигнациями. К участию приглашались авторы не только из России, но и из Германии, Венгрии, Англии, Швеции, Дании и Италии; сочинения могли быть написаны на русском, латинском, немецком, английском или итальянском языках.

Впрочем, конкурс – это еще будущее, а надо было распространять знания о холере срочно, здесь и сейчас. Одного «Трактата» для этого было мало, да и писался он в форме, мало понятной среднестатистическому читателю. Поэтому в самые первые дни осени 1830 года Матвей Яковлевич Мудров составил еще один текст: «Краткое наставление о холере и способ,

как предохранять себя от оной, как излечивать ее и как останавливать распространение оной». Без специальных медицинских терминов, разумеется, не обошелся – но постарался сделать свой текст по возможности доступным.

Из этого сочинения современники могли узнать, что «холера есть весьма быстротечное, острое воспаление или флегмазия слизистой оболочки желудка и кишок, а потом и наружной оболочки оных; оттого сильный внутренний жар, нестерпимая боль, непрестанная рвота и понос; от сочувствия мозга и сердца пульс слабеет, силы упадают, происходят судороги в руках и ногах, поверхность тела холодеет и делается запор мочи».

Матвей Яковлевич предупреждал своих читателей, что Cholera morbus «весьма легко сообщается от прикосновения к трудно больным, и в особенности к умершим от оной; так же от вдыхания в себя воздуха, испорченного вредоносными испарениями и миазмами, отделяющимися из тел больных и умерших сею болезнью: и потому нельзя отвергать мер предосторожности, для карантинных назначенных».

(Про легко больных, как видим, ни слова.)

Чтобы не вгонять читателей в безнадежную тоску, Мудров заверял – вполне оптимистично, – что «холера при поданной во время надлежащей врачебной помощи весьма часто бывает излечима».

Поделился доктор и полезными советами для тех, кто мог стать потенциальными пациентами. Прежде всего общего гигиенического свойства: босиком не ходить, сырого и чрезмерно холодного не есть, держать тело в тепле и избегать простуды, а также «носить на животе по голому телу или по рубашке, кусок сукна, фланели или байки, дабы живот был тепел, и испарина, охладевшись, не падала на желудок и кишки и не произвела расположения к получению холеры, ибо в желудке и кишках собственно холера имеет свое пребывание». Состоятельным людям доктор Мудров советовал носить «из сих же материй на животе широкие пояса или набрюшники».

Первое упоминание слова «набрюшник» в этой книге; позже оно станет неотъемлемой приметой холерных эпидемий.

Если в дом уже пришла холера, Матвей Яковлевич настоятельно рекомендовал занемогших «отделять немедленно от здоровых в особую больницу или отдельную теплую комнату», ограничить их общение с окружающими, а при уходе за больными «намазывать руки каким-нибудь маслом, деревянным, постным, коровьим или хотя простым салом».

Особое внимание Мудров уделял санитарной обработке «комнат и вещей, бывших в соприкосновении с больными холерою»: пол и стены он советовал опрыскивать «сделанным в холодной воде отстоенным раствором охлоренной извести, которую можно получать, самым лучшим образом приготовленную в Москве, из химической фабрики г. Карцова на Пресне» или другими аналогичными составами, больничные палаты окуривать специальными смесями несколько раз в день, «сим же составом окуривать в продолжение нескольких часов сомнительные платья и вещи, так же товары, привозимые из зараженных мест».

В общем, все уже знакомые жителям многих российских регионов карантинные меры.

Был и еще один совет: «Над покойниками псалтыри не читать; покойников выносить из дому на кладбище сколь можно скорее, и по выносе трупа окуривать сею смесью все комнаты и сени дома, в коем умер больной холерой».

Совет этот еще аукнется петербуржцам. Сколько будет в городе таких скорых похорон, когда родные не смогут толком попрощаться с ушедшими из жизни, и даже неперемный обряд отпевания будет попросту отменен – из страха перед холерой!

Впрочем, в начале сентября 1830 года петербуржцы лишь следили за приближением страшной гостыи и даже не подозревали, какими несчастьями для столицы обернется ее визит. Александр Васильевич Никитенко, будущий цензор и академик Петербургской Академии наук, записывал в своем невероятно обстоятельном дневнике, что «ужасная болезнь холера»

морбус» приближается и в столице растет тревога: «Болезнь сия, в самом деле, всего опаснее в большом городе: здесь настоящая ее жатва, а может быть, и колыбель. Притом климат петербургский и без того, особенно осенью, порождает много болезней».

В середине сентября 1830 года холера нагрянула в Москву, и этот месяц стал временем осознания: Cholera morbus в самом деле может явиться на берега Невы. Никитенко, 25 сентября: «Итак, мы не на шутку готовимся принять сию ужасную гостью. В церквах молятся о спасении земли русской; простой народ, однако, охотнее посещает кабаки, чем храмы Господни; он один не унывает, тогда как в высших слоях общества царствует скорбь. По московской дороге, в Ижоре, учрежден род карантин, ибо вчера приехавший туда курьер умер, говорят, от холеры. Все sprыскиваются хлором, запасаются дегтем и уксусом. Везде движение. Жизнь, почуяв врага, напрягается и готовится на борьбу с ним. Но что действительно можем мы противопоставить холере? Бодрость духа, покорность необходимости».

Карантины отделили тогда Северную столицу от Первопрестольной; перекрыты были не только сухопутные пути, но и водные. В холерном карантине оказался и Александр Сергеевич Пушкин: то была знаменитая Болдинская осень. Письмо Петру Александровичу Плетневу из Болдино, сентябрь 1830 года: «Около меня холера морбус. Знаешь ли, что это за зверь? Того и гляди, что забежит он и в Болдино, да всех нас перекусает – того и гляди, что к дяде Василью отправлюсь, а ты и пиши мою биографию».

Наталии Николаевне Гончаровой, октябрь 1830 года, оттуда же: «Добровольно подвергать себя опасности среди холеры было бы непростительно. Я хорошо знаю, что всегда преувеличивают картину ее опустошений и число жертв; молодая женщина из Константинополя говорила мне когда-то, что только чернь (la sanaille) умирает от холеры, – все это прекрасно и превосходно; но все же нужно, чтобы порядочные люди принимали меры предосторожности, так как именно это спасет их, а вовсе не их эlegantность и не хороший тон».

О том, какие меры предосторожности Пушкин считал необходимыми и достаточными, сообщает нам другое его письмо, более позднее: «Не забывайте, что холеру лечат, как обычное отравление: молоком и постным маслом – и еще: остерегайтесь холодного».

Наивное, конечно, представление о страшной болезни, но вполне простительное: и врачи ведали тогда немногим больше.

К счастью, в конце осени 1830 года эпидемия в Москве пошла на убыль. Император Николай I навестил выздоравливающую Первопрестольную – и это немедленно воспел в своих стихах петербуржец граф Дмитрий Иванович Хвостов («поэт, любимый небесами»). Вначале он описывал страшное течение болезни:

Недуг – враг тайный человеков
Распространяет гибель вмиг,
Сугубя жар, ослабя нервы,
Течение сгущает крови.
Больной, почувствуя внутри
Страдание неизъяснимо,
Испустит яд и дух последний
На перси кровных и друзей.

Но затем торжественный, ликующий финал:

Невы от берегов гранитных
Оставя Царь любезных чад,
Петрополь, нежную Царицу
Спешит в стенащую Москву.

Он там... и вновь восторги внемлет.
И купно радости, рыданье,
Он змия зрит лицом к лицу,
Стремяся бодро вырвать жало.
Россия дух Царя великий
Вписала сердца на скрижаль.

Стихотворение это увидело свет в 1831 году в «Невском Альманахе» чиновника, издателя и писателя Егора Васильевича Аладына.

Случаи заболеваний в Москве были и позже, даже в январе 1831 года – так называемый «холерный хвост», – но официально Первопрестольную признали освободившейся от болезни. Все карантинные меры сняли в начале декабря; свободное сообщение между столицами восстановилось.

И уже пошел обратный отсчет – полгода с небольшим, до начала первой в истории Петербурга холерной эпидемии.

1831 год

Начало

Из официального сообщения, увидевшего свет 17 июня 1831 года и напечатанного в качестве приложения к газетам «Санкт-Петербургские ведомости» и «Северная пчела»: «При первом известии о появлении холеры в Риге и в некоторых городах Приволжских приняты были все меры к ограждению здешней столицы от внесения сей болезни: по всем дорогам, ведущим из мест зараженных и сомнительных (равномерно и в Кронштадт), учреждены были карантинные заставы, все вещи, посылки письма, оттуда получаемые, подвергнуты рачительной окурке и т. д. – словом, сделано все возможное к предотвращению сего бедствия. Несмотря на все сии предосторожности, холера, по некоторым признакам, проникла в Санкт-Петербург».

Ригу холера атаковала весной 1831 года, унеся множество жертв. В столицу, впрочем, эпидемия явилась из Поволжья транзитом по водным путям; карантинные меры, теперь признанные вполне разумными, не помогли; о признаках пришествия холеры в официальном сообщении говорилось: «На прибывшем сюда из Вытегры 28-го минувшего Мая судне, называемом соймою, заболел 14-го сего Июня Вытегорский мещанин. Признаки его болезни были сходны с холерою, но при медицинском пособии он получил облегчение.

Того же числа, в 4 часу утра, в Рождественской части, в доме купца Богатова, работник живописного мастера подвергся всем признакам холеры и в 7 часов по полудни умер.

16-го числа заболели сими же припадками в частях: Рождественской будочник, Литейной ремесленник, 2-й Адмиралтейской маркер и в Артиллерийской госпитали школьник, из коих первые двое сегодня померли; вновь же заболели в Московской части 1, и в Литейной 1, – так что на сей день больных с признаками холеры осталось 4: из них 3 надежных к выздоровлению.

При сем случае Начальство столицы долгом поставляет свидетельствовать, что употребленные при подании помощи сим больным, полицейские и медицинские чиновники, поступали с примерным усердием и можно сказать, с самоотвержением.

Вот все, что донныне известно в сем отношении. Благомыслящие жители сей столицы могут быть уверены, что Правительство принимает все меры и средства к устранению и прекращению сего бедствия. От их усердного и ревностного содействия видам Высшей Власти, от верного и точного с их стороны исполнения благих распоряжений Начальства будет зависеть и достижение желаемой цели».

Невиданная откровенность официального заявления имела как минимум две причины. Одна была заявлена прямо в тексте: государь император, «поставив Себе всегдашним правилом во всех действиях Правительства наблюдать гласность, без малейшего сокрытия бедствий», высочайше велел обнародовать все данные. Но была и причина другая, не менее важная: опыт подсказывал, что если Cholera morbus уж пришла, причем проявилась сразу в нескольких частях столицы, то последствия будут серьезнейшие. И таиться поздно. Да и глупо.

Графиня Дарья Федоровна Фикельмон, супруга австрийского посланника в России, 17 июня записала в дневнике: «В Петербурге появилась холера. Один человек уже умер и трое больных. От этого известия так сжалось сердце! Как тут не тревожиться за всех тех, кого любишь! Сколько удручающего в этом понятии – эпидемическое и заразное заболевание, и какая безмерная печаль охватывает душу!».

Шеф жандармов и начальник Третьего отделения Собственной Е.И.В. канцелярии Александр Христофорович Бенкендорф вспоминал: «В Петербурге вдруг впервые появилась холера. Государь из Петергофа, где имела пребывание Императорская фамилия, тотчас поспешил в столицу для принятия первых мер против этого грозного бича. Он велел устроить боль-

ницы во всех главнейших пунктах города; назначил окружных начальников для надзора за ними и для подаяния пособия неимущим и в особенности осиротелым от болезни; наконец, приказал немедленно вывести кадетские корпуса в Петергоф».

Меры в самом деле были приняты экстренные. 14 июня умер помощник «живописного мастера» в Адмиралтейской части столицы – а уже 16 июня впервые собрался комитет «для принятия мер противу распространения холеры в здешней столице», учрежденный под руководством военного генерал-губернатора столицы Петра Кирилловича Эссена. В состав его вошли генерал-адъютанты граф Александр Иванович Чернышев, граф Арсений Андреевич Закревский и князь Александр Сергеевич Меншиков; чуть позже комитет пополнили генерал-адъютант Илларион Васильевич Васильчиков, управляющий Третьим отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии Максим Яковлевич фон Фок и врачи – лейб-медики Яков Васильевич Виллие и Осип Осипович Реман.

Представительный состав – и пускай профессиональные медики оказались там в меньшинстве, зато исполнительная власть была представлена ровно настолько, чтобы обеспечить решениям комитета быструю реализацию. Да и врачи были привлечены в комитет не случайные, плоть от плоти исполнительной власти: Осип Реман исполнял должность гражданского генерал-штаб-доктора, а Яков Виллие руководил Медико-хирургической академией. О холере, надо заметить, Яков Васильевич знал больше всех других своих товарищей по комитету, хотя воззрения на болезнь имел специфические: еще в 1830 году он издал «Описание индийской холеры для врачей армии», где утверждал, что холеру провоцирует отделение желчи, а поскольку жаркие месяцы «есть время больших жаров и умноженного действия печеночной системы», то именно летом и вспыхивают эпидемии. И в 1831 году, забежим вперед, лейб-медик был активен: лично исследовал больных и составил затем «Отчеты о средствах, употребленных против холеры в военных госпиталях в С.-Петербурге с практическими замечаниями о свойствах сей болезни»...

На первом же заседании комитета был принят целый комплект решений – прежде всего во исполнение августейших указаний, перечисленных выше Бенкендорфом. Постарались учесть и общее, и частное, используя при этом «все те меры, которые оказались успешными и благотворными в Москве». Постановили, «чтобы в каютах пришедших сюда по Неве барок, вся солома была сожжена, полы в них вымыты щелоком, окурены, и чтобы вещи подвергнуты были такой же окурке и проветриванию». В каждую из 13 частей столицы назначили по одному попечителю, главному доктору и медицинскому инспектору, также распорядились «при временных больничных домах и приемных лазаретах иметь Коммисаров, Смотрителей и вахтеров, прислугу, как мужскую, так и женскую», во все больницы «теперь же доставить необходимые медикаменты», при обнаружении «сомнительных больных» в частных домах принять меры «к ограждению самого дома» и обеспечить заболевших экстренной помощью.

Сразу определили и персональный состав борцов с холерой; среди попечителей оказались академик Петербургской Академии наук, будущий граф и автор знаменитой триады «Самодержавие, Православие, Народность» Сергей Семенович Уваров, сенатор и бывший столичный обер-полицеймейстер Иван Саввич Горголи, генерал и знаменитый в будущем военный историк Александр Иванович Михайловский-Данилевский.

В число медицинских инспекторов вошли видный анатом и хирург лейб-медик Илья Васильевич Буяльский, выдающиеся хирурги Иван Федорович Буш и Христиан Христианович Саломон, основатель первой в Санкт-Петербурге глазной клиники Теодор Генрих Лерхе.

Поскольку опыт шествия холеры по России подсказывал, что обычных городских больниц во время эпидемии может не хватить для всех недужных, сразу распорядились и об устройстве десяти временных холерных стационаров. Это решение тоже было предельно четким, с конкретными адресами лазаретов:

– в зданиях Обуховской больницы (находилась на наб. р. Фонтанки, 106);

- в доме купца Таирова на Сенной площади (ныне – пер. Бринько, 4);
- в доме наследников купца Соколова по Фонтанке (примерно в створе нынешней Бородинской улицы);
- в доме имеретинского царевича Иоанна на Фурштатской улице (ныне участок дома № 42);
- в Военно-сухопутном госпитале (на Выборгской стороне);
- в новых казармах в Екатерингофе;
- в доме тайной советницы Бек на Каменноостровском проспекте;
- в доме Греко-униатской церкви на 12-й линии В.О. (ныне 12-я линия, 29–31, угол Среднего пр., 53);
- за городом, на бывшей даче князя Куракина (за Невской заставой);
- от Купеческого общества в доме наследников купца Соколова.

К каждому из этих стационаров приписали врачей. В дом Таирова, например, назначены были трое: старший врач, коллежский советник Земан, ординатор, иностранный врач Тарони и доктор надворный советник Молитор. Об этих троих и их судьбах мы еще вспомним...

На этом действия и решения комитета не закончились: поскольку даже десяти временных стационаров ему казалось мало для борьбы с эпидемией, распорядились и о создании еще десяти приемных лазаретов «для подания первоначального пособия» – своего рода станций скорой помощи:

- в доме поручика Черноглазова в Большой Подъяческой улице;
- в доме князя Салтыкова «близ старых триумфальных ворот» (Нарвские ворота, «дача находилась на левой стороне Петергофской дороги, у Обводного канала, близ Триумфальных ворот», принадлежала потомкам фельдмаршала Н.И. Салтыкова);
- в доме вице-адмирала Макара Ивановича Ратманова в Литейной части (того самого вице-адмирала, чьим именем назван остров Ратманова);
- в доме мещанки Одинцовой, в 5-й роте Семеновского полка;
- в доме купца Васильева (Каретная часть);
- в доме чиновницы Ирины Ивановны Славищевой (4-я Рождественская ул., 24, ныне участок домов № 5 и № 7 по 4-й Советской ул.);
- в доме серебряных дел мастера Янца на Васильевском острове;
- в доме чиновника Филиппова на Петербургской стороне;
- в доме купчихи Гардер (Выборгская сторона, ныне дома №№ 15 и 17 по Пироговской набережной);
- в доме поселянки Мышениной (Охта).

В общем, целая сеть временных медицинских учреждений, равномерно наброшенная на столицу, на ее участки, включая и пригородные. Большие масштабы – большие расходы: 130 000 рублей ассигнациями были направлены на устройство больниц из Государственного казначейства, а к этим деньгам прибавились и пожертвования – как это обычно случается в России, добровольно-принудительные. Столичное купечество, например, «с верноподданническим усердием ревнуя исполнить Высочайшую Его Императорского Величества волю», постановило внести на устройство временных холерных больниц 160 000 рублей – «по одному проценту объявляемого по каждой гильдии капитала». И это не считая того, что купечество своим коштом открыло в столице еще тринадцать холерных больниц на 693 места.

Устроили купцы и дополнительную подписку среди тех, «кому заблагорассудится пожертвовать сверх помянутого процента с капитала».

Жертвовали, надо сказать, активно: газеты того времени пестрят фамилиями не только купцов, но и аристократов, изъявивших готовность ударить по холере рублем. Придворный банкир барон Людвиг фон Штиглиц – 20 000 рублей, камер-юнкер двора Анатолий Николаевич Демидов – 10 000, его брат Павел Николаевич – 2000, британский посол лорд Хейтсбери

(Heytesbury) – 2000, купцы братья Котомины – 1000. И это только скромнейшая часть длинного перечня! От неизвестной особы тогда же поступило «полотна 100 и льняного холста 103 аршина». Не деньги, конечно, но в больницах вещь вполне потребная.

Пора теперь сказать еще об одном решении комитета, самом скорбном: «Отвести особые кладбища, огородить их и назначить к ним Смотрителей, сторожей и рабочих». Дело здесь было не только в том, что власти ожидали большого числа смертей и полагали, что обычные кладбища не справятся с таким наплывом. Предыдущие эпидемии послужили к выработке особых правил погребения жертв холеры – и говорилось в них, как о том, что гробы следует смачивать раствором селитры с серной кислотой и засыпать древесным углем, а только уже потом землей «с значительною насыпью сверху» – так и о том, что «могилы должны быть огорожены на 20 саженой вокруг и доступ к ним воспрещен».

А как воспретишь доступ к могилам на обычном городском кладбище? Вот и решено было устроить специальные холерные некрополи в отдаленных, глухих углах столицы:

– «близ Тентелевой Удельного ведомства деревни» (позже оно стало известно как Митрофаниевское);

– на Выборгской стороне на Куликовом поле;

– близ Смоленского кладбища;

– на Волковом поле, близ Волковского кладбища.

Создано было чуть позже и свое холерное кладбище на Охте.

Все эти холерные некрополи были загружены работой без особого промедления. На холерном участке у Смоленского кладбища первой уже 19 июля 1831 года похоронили Екатерину Тимофееву. На кладбище «близ Тентелевой Удельного ведомства деревни» одним из первых предали земле тело действительного статского советника и камергера двора князя Сергея Ивановича Голицына, умершего 20 июня. На Волковом поле в числе первых похоронены – видный историк, профессор Петербургского университета Трофим Осипович Рогов и Назлухана Григорьевна Долуханова, рожденная княгиня Мадатова, сестра героя Отечественной войны 1812 года князя Валериана Мадатова.

На Выборгской стороне в те же июньские дни – купец Михаил Иванович Пивоваров и его супруга Анна Матвеевна. Историю этого семейства со слов кладбищенских служителей рассказывал полвека спустя сын знаменитого актера и достаточно популярный в XIX столетии литератор Петр Петрович Каратыгин – с некоторыми живописными преувеличениями: «В исходе 1830 года, пользуясь понижением цены на деревянное масло, бывшее в привозе, он начал скупать его на бирже большими партиями. Знакомые смеялись ему, он же им в ответ сам усмехался, прибавляя, что они в коммерческих делах ничего не смыслят. Покойному И.В. Буяльскому, с которым он был очень дружен, Пивоваров сказал в откровенную минуту, что от оборота с деревянным маслом ожидает в будущем году громадных барышей. „Расчет верный и безошибочный, – сказал он. – Холера непременно пожалует к нам: в приходе кораблей будет немного, а запрос на масло усилится; оно и на лекарство понадобится, да – гром не грянет, мужик не перекрестится – и люди богомольнее сделаются: чаще лампы теплить станут“...

Расчет Пивоварова был верен: масло было распродано с большими барышами, до последней бочки... но холера за выгодную игру на бирже сыграла с купцом злую шутку, взяв с Пивоварова страшный куртаж... она сразила его самого, его жену, старшего сына, невестку и кухарку, бывшую у них в услужении».

Не на шутку разыгралась эпидемия!

В те июньские дни горожане постепенно переходили от тревоги к напряженному ожиданию, от оптимизма к страху. Петербургский почт-директор Константин Яковлевич Булгаков, человек весьма осведомленный и имевший к перлюстрации переписки самое прямое отношение, сообщал брату 18 июня свежие городские новости: «Холерных еще несколько припадков

было. В Большой Морской возле генерал-губернатора умерла Французенка Маркет и у каменного моста в трактире, по крайней мере с признаками».

Княгиня Надежда Ивановна Голицына позже вспоминала с куда большей экспрессией: «Холера надвигалась быстро, словно бурный поток, сначала она ворвалась в предместья, а после охватила все кварталы столицы. Доктора, полиция были подняты на ноги, карантинные были предписаны в каждом доме, где случится больной».

«Северная пчела» успокаивала: «При неусыпных попечениях Государя Императора, получающего дважды в сутки подробные донесения о ходе сей болезни и о состоянии столицы... должно ожидать неминуемого в преодолении сей болезни успеха» – однако горожанам покой только снился. Вот и Александр Васильевич Никитенко в своей записи от 19 июня эмоций не скрывал: «Холера со всеми своими ужасами явилась и в Петербурге. Повсюду берутся строгие меры предосторожности. Город в тоске. Почти все сообщения прерваны. Люди выходят из домов только по крайней необходимости или по должности».

О том же и в тот же день писала в дневнике графиня Дарья Федоровна Фикельмон: «Сегодня я вновь чувствую себя отважной, но вчера была охвачена паникой, мне казалось, что все мои близкие обречены заразиться холерой! Сейчас более чем когда-либо, следует уповать на Божий промысел и Его милосердие!»

Cholera morbus явилась: впервые за годы своей истории Санкт-Петербург оказался под властью холеры. Привычный уклад жизни был отодвинут в сторону; теперь уже каждый сколько-нибудь сознательный и образованный горожанин, выходя из дома, совершал целый ритуал сложных действий. Одевался с особой тщательностью, выбирая лишь ту одежду, что строго соответствовала погоде и не заставляла бы зябнуть или потеть. Подойдя уже к двери, тщательно протирал руки, виски и за ушами раствором хлорной извести, а ежели ему не хватало духу на использование этого довольно-таки остро пахнущего химиката – пускал в дело уксус, смешанный с низкосортным оливковым маслом, которое тогда еще именовали деревянным.

Все это – строго по «Наставлению к распознаванию признаков холеры, предохранению от оной и к первоначальному ее лечению», изданному Министерством внутренних дел в первые дни петербургской эпидемии. Там многое говорилось о признаках холеры и особенно о ее причинах: «некоторые обстоятельства располагают человека к удобнейшему принятию болезненного начала, или заразы» – сырой и холодный воздух, «а особливо холодные, туманные ночи после теплых дней», пища жирная, сырая, неудобоваримая, скоро приходящая в брожение, питье, в коем не кончилось брожение, неумеренность в пище, «жилища тесные, нечистые», «места низкие, болотные», легкая одежда, неопрятность тела, неумеренно употребление спиртного «и вообще невоздержная жизнь», «излишнее утомление и изнурение тела», ночи без сна на открытом воздухе, «уныние и беспокойство духа, гнев, страх и вообще сильное движение страстей».

В общем, примерно как в наставлениях доктора Мудрова – с добавлением, однако, про необходимость сохранять бодрость духа.

Многое сообщало министерство и о способах предохранения от холеры, и этот раздел наставления, можно не сомневаться, горожане читали с особенным вниманием: не спать на открытом воздухе, не выходить на улицу без обуви и вскоре после сна, не употреблять сырых плодов и кореньев, не пить пива, молодого кваса и кислого молока, «вообще избегать всякого обременения желудка», одеваться по погоде и избегать простуды, срочно менять промокшую одежду на сухую, «стараться поддерживать легкую нечувствительную испарину, употребляя вместо чаю ромашку, мяту, шалфей, Melissa и другие подобные ароматные травы», «для поддержания действия в кровеносных жилах, на поверхности тела разделяющихся, полезно тереть ежедневно все тело, а особливо ноги, теплыми суконками или обтирать все тело уксусом», в домах соблюдать чистоту, чаще проветривать, «буде погода позволяет», «и расставлять

в нескольких местах порошок или раствор хлориновой извести, которые можно получить из каждой Аптеки, а для бедных оные отпускаются без платы из каждой части города», «при сем заметить должно, что хлориною известью не следует курить беспрестанно, но только до того, пока в комнатном воздухе будет ощутителен запах хлора. Кроме сего, полезно курить уксусом с мятою», «по утрам не выходить на воздух с тощим желудком», не изнурять себя «чрезмерно продолжительным трудом».

В общем, все те же инструкции Матвея Яковлевича Мудрова с некоторыми актуальными дополнениями. Одно из указаний, надо отметить, было заметно ценнее прочих: «по утрам не выходить на воздух с тощим желудком». Холерный вибрион, как сегодня уже хорошо известно, погибает под действием желудочного сока, содержащего в себе соляную кислоту – а вырабатывается сок именно в процессе приема пищи. Стало быть, плотный завтрак с небольшим количеством жидкости (чтобы желудочный сок не разбавлять уж слишком, не ослаблять его действие) – в самом деле хорошая мера профилактики холеры.

Но вот уже наш петербуржец на прогулке, и фразы министерского наставления упорно стучат ему в виски: «Иметь с собою скляночку с раствором хлориновой извести, или с крепким уксусом, которым чаще потирать себе руки, около носа, виски и проч.; кроме сего, носить в кармане сухую хлориновую известь в полотняной сумочке».

Имели, носили. Отчего и стали подвергаться – об этом чуть позже – нападениям разгоряченных простолюдинов.

По возвращении же домой горожанин спешил не только переменить одежду, но и по возможности «прокурить хлориновым гасом или селитрою с солью». Окуривание это предписывалось проводить в нежилой комнате, «наливая на хлориновую известь по несколько капель серной кислоты».

Если же все принятые меры предосторожности не помогали, если вдруг организм начал демонстрировать пугающие симптомы заболевания, каждый горожанин мог сличить течение своего недуга с описанием, распространенным МВД: «Кружение головы, давление и жжение под ложечкою и около желудка, тоска, неутолимая жажда, рвота, урчание в животе, внезапный упадок сил, понос. Жидкость, верхом и низом извергаемая, похожа на огуречный рассол, или на пасоку, обыкновенно отделяющуюся из выпущенной крови. Ноги, руки и вся поверхность тела хладеют. Черты лица явственно изменяются: оно делается бледным, выражает крайнее изнеможение. Глаза впадают. Голос слабеет и делается сиповатым. В ногах и руках оказываются судороги. Пульс слабеет и делается почти нечувствительным».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.